

Eugene Onegin
(*Евгений Онегин*)

Russian–English libretto

PYOTR ILYICH TCHAIKOVSKY

Действующие лица

Ларина
(*помещица*) — меццо-сопрано

Татьяна
(*её дочь*) — сопрано

Ольга
(*её дочь*) — контральто

Филиппьевна
(*няня*) — меццо-сопрано

Евгений Онегин
— баритон

Ленский (Владимир Ленский)
— тенор

Князь Гремин
— бас

Ротный (капитан)
— бас

Зарецкий
— бас

Трике
(*француз*) — тенор

Гильо
(*камердинер Онегина*) — немая роль

Крестьяне, крестьянки, помещики, помещицы, офицеры, гости на балу.

Characters

Larina
(*lady of the manor*) — Mezzo-soprano

Tatyana
(*her daughter*) — Soprano

Olga
(*her daughter*) — Contralto

Filipyevna
(*a nanny*) — Mezzo-soprano

Eugene Onegin
— Baritone

Lensky (Vladimir Lensky)
— Tenor

Prince Gremin
— Bass

Captain (Company Commander)
— Bass

Zaretsky
— Bass

Triquet
(*a Frenchman*) — Tenor

Guillot
(*Onegin’s valet*) — Silent role

Peasants, peasant women, landowners and ladies of the manor, officers, guests at the ball.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

1. Дуэт и квартет.

Усадьба Лариных — дом и прилегающий к нему сад. Вечереет. Ларина и няня варят варенье. Из дома слышно пенье Татьяны и Ольги.

ТАТЬЯНА, ОЛЬГА (*за сценой*):
Слышали ль вы за рошей глас ночной

Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук, унылый и простой,
Слышали ль вы?

ЛАРИНА (*няне*):
Они поют и я, бывало,
В давно прошедшие года —
Ты помнишь ли? — и я певала.

ФИЛИППЬЕВНА:
Вы были молоды тогда!

ТАТЬЯНА, ОЛЬГА (*за сценой*):
Вздохнули ль вы, внимая тихий глас
Певца любви, певца своей печали?
Когда в лесах вы юношу видали,
Встречая взор его потухших глаз,
Вздохнули ль вы? Вздохнули ль вы?

ЛАРИНА:
Как я любила Ричардсона!

ФИЛИППЬЕВНА:
Вы были молоды тогда.

ЛАРИНА:
Не потому, чтобы прочла.

ACT ONE

Scene One

1. Duet and Quartet.

The Larin country estate — the house and adjoining garden. It is evening. Larina and the nurse are making jam. The voices of Tatyana and Olga singing a duet are heard from within the house.

TATYANA, OLGA (*offstage*):
Have you not heard, from beyond the grove at night,
the voice that sings of love and sings of sorrow?
When, at the morning hour, the fields lay silent,
the music of the pipe, simple and sad —
have you not heard?

LARINA (*to the nurse*):
They are singing, and I, too,
used to sing that song in days gone by.
Do you remember? I used to sing it too.

FILIPYEVNA:
You were young then!

TATYANA, OLGA (*offstage*):
Have you not sighed, hearing that gentle voice,
the singer of love, the singer of his sorrow?
When in the forest you once saw a youth
and met the gaze of his sunken eyes —
did you not sigh? Did you not sigh?

LARINA:
How I loved Richardson!

FILIPYEVNA:
You were young then.

LARINA:
Not because I had read him.

ЛАРИНА:
Во всём мне верил он беспечно.

LARINA:
...and trusted me unreservedly in all things.

ФИЛИПЬЕВНА:
Во всём вам верил он беспечно.

FILIPYEVNA:
...and trusted you unreservedly in all things.

ЛАРИНА, ФИЛИПЬЕВНА:
Привычка свыше нам дана,
Замена счастию она.

LARINA, FILIPYEVNA:
Habit is sent us from above,
in place of happiness.

2. Хор и пляска крестьян.

2. Chorus and Peasant Dance.

Вдали слышится крестьянская песня.

The sound of a peasant song is heard in the distance.

ЗАПЕВАЛА (за сценой):
Болят мои скоры ноженьки
Со походушки.

PEASANT LEADER (offstage):
My swift little feet ache from walking.

КРЕСТЬЯНЕ (за сценой):
Скоры ноженьки со походушки.

PEASANTS (offstage):
...Ache from walking.

ЗАПЕВАЛА:
Болят мои белы рученьки
Со работушки.

LEADER:
My white hands ache from working.

КРЕСТЬЯНЕ:
Белы рученьки со работушки.
Щемит моё ретивое сердце
Со заботушки.
Не знаю, как быть,
Как любезного забыть!
Болят мои скоры ноженьки...
Со походушки.
Болят мои белы рученьки
Со работушки,
Белы рученьки со работушки.

PEASANTS:
...Ache from working.
My ardent heart aches from caring.
I don't know what to do,
how to forget my sweetheart.
My swift little feet ache
from walking.
My white hands ache
from working, ache from working.

Входят крестьяне со снопом.

The peasant band enters, the leaders bearing a decorated sheaf.

КРЕСТЬЯНЕ:
Здравствуй, матушка-барыня!
Здравствуй, наша кормилица!
Вот мы пришли к твоей милости,
Сноп принесли разукрашенный!
С жатвой покончили мы!

PEASANTS:
Greetings, your ladyship,
greetings, benefactress!
We come before your Grace
bearing the decorated sheaf!
The harvest is all gathered in!

ЛАРИНА:
Что ж, и прекрасно! Веселитесь!
Я рада вам.
Пропойте что-нибудь повеселей!

LARINA:
So, that's excellent. Now make merry!
I'm pleased to see you all.
Sing us something jolly!

КРЕСТЬЯНЕ:
Извольте, матушка, потешим барыню!
Ну, девки, в круг сходитесь!
Ну, что ж вы? Становитесь, становитесь!

PEASANTS:
If that's what you'd like, little mother!
Come, let's entertain the lady.
Now, girls, stand in a ring!
Come along now, all get ready!

*Молодёжь заводит хоровод со снопом,
остальные поют. Из дома на балкон выходят
Татьяна с книгой в руках и Ольга.*

*The young folk form a circle and dance around
the sheaf; the others sing. Tatyana, book in hand,
and Olga come out onto the balcony.*

Уж как по мосту-мосточку,
По калиновым досочкам,
Вайну, вайну, вайну, вайну,
По калиновым досочкам,
Тут и шёл-прошёл детина,
Словно ягода-малина,
Вайну, вайну, вайну, вайну,
Словно ягода-малина.
На плече несёт дубинку,
Под полой несёт волынку,
Вайну, вайну, вайну, вайну,
Под другой несёт гудочек.
Догадайся, мил-дружочек,
Вайну, вайну, вайну, вайну,
Догадайся, мил дружочек.
Солнце село, ты не спишь ли!
Либо выйди, либо вышли,
Вайну, вайну, вайну, вайну,
Либо выйди, либо вышли,

One day across the bridge, the little bridge,
along the hazel planks,
Vayinu, vayinu, vayinu, vayinu,
along the hazel planks,
came a fine young fellow,
fresh and ruddy as a raspberry,
Vayinu, vayinu, vayinu, vayinu,
fresh and ruddy as a raspberry.
Over his shoulder he carries a cudgel,
under one coat-skirt he carries bagpipes,
Vayinu, vayinu, vayinu, vayinu,
under the other is a fiddle.
Now just you guess, my dearest,
Vayinu, vayinu, vayinu, vayinu,
now just you guess, my dearest.
The sun has set — aren't you asleep?
Come out yourself or else send out,
Vayinu, vayinu, vayinu, vayinu,
come out yourself or else send out,

Либо Сашу, либо Машу,
Либо душечку-Парашу,
Вайну, вайну, вайну, вайну,
Либо душечку-Парашу,
Либо Сашу, либо Машу,
Либо душечку-Парашу.
Парашенька выходила,
С милым речи говорила:
Вайну, вайну, вайну, вайну,
С милым речи говорила:
«Не бессудь-ка, мой дружочек,
В чём ходила, в том и вышла,

Sasha or Masha
or dear little Parasha,
Vayinu, vayinu, vayinu, vayinu,
send dear little Parasha,
Sasha or Masha
or dear little Parasha.
Parashenka came out
and had a talk with her sweetheart:
Vayinu, vayinu, vayinu, vayinu,
had a talk with her sweetheart:
"Don't grumble at me, my dearest,
I've come out just as I was,

К моей родне и, наконец,
Благословил меня отец!
Я горько плакала со страха,
Мне с плачем косу расплели,
И с пением в церковь повели,
И вот ввели в семью чужую...
Да ты не слушаешь меня?

ТАТЬЯНА:
Ах, няня, няня, я страдаю, я тоскую,
Мне тошно, милая моя,
Я плакать, я рыдать готова!

ФИЛИПЬЕВНА:
Дитя моё, ты нездорова.
Господь помилуй и спаси!
Дай окроплю тебя святой водою.
Ты вся горяишь.

ТАТЬЯНА:
Я не больна,
Я... знаешь, няня... я... влюблена...
Оставь меня, оставь меня...
Я влюблена...

ФИЛИПЬЕВНА:
Да как же...

ТАТЬЯНА:
Поди, оставь меня одну!..
Дай, няня, мне перо, бумагу,
Да стол придвинь; я скоро лягу.
Прости...

ФИЛИПЬЕВНА:
Покойной ночи, Таня! (*Уходит.*)

9. Сцена письма.

ТАТЬЯНА:
Пускай погибну я, но прежде
Я в ослепительной надежде
Блаженство тёмное зову,
Я негу жизни узнаю!

Я пью волшебный яд желаний!

kept calling on my parents, and finally
my father gave his consent.
I cried bitterly with fright;
they wept as they undid my maiden plait
and led me with songs to the church,
and I found myself installed in a strange family...
But you're not listening to me!

TATYANA:
Oh nurse, nurse, I'm consumed with longing,
I'm all upset, my dear;
I'm ready to burst into tears.

FILIPYEVNA:
You're not well, my child;
Lord have mercy on us!
Let me sprinkle you with holy water.
You're feverish.

TATYANA:
I'm not ill,
I... Do you know, nurse... I'm... in love...
Leave me, leave me...
I'm in love...

FILIPYEVNA:
But of course...

TATYANA:
Go, leave me alone!
Give me a pen and some paper, nurse,
and move the table up; I'll soon go to bed.
Good night...

FILIPYEVNA:
Sleep well, Tanya! (*She goes out.*)

9. The Letter Scene.

TATYANA:
Let me perish, but first
let me summon, in dazzling hope,
bliss as yet unknown.
Life's sweetness is mine to taste!

I drink the magic potion of desire!

Меня преследуют мечты!
Везде, везде передо мной
Мой искуситель роковой!
Везде, везде он предо мною!

(*Быстро пишет, но тотчас же рвёт
написанное.*)

Нет, всё не то! Начну сначала!
Ах, что со мной! Я вся горю!
Не знаю, как начать...

(*Задумывается, потом снова начинает
писать.*)

Я к вам пишу — чего же боле?
Что я могу ещё сказать?
Теперь я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать!
Но вы, к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотела;
Поверьте, моего стыда
Вы не узнали б никогда,
Никогда!..

(*Задумывается.*)

О да, клялась я сохранить в душе
Признание в страсти пылкой и безумной!
Увы! Не в силах я владеть своей душой!
Пусть будет то, что быть должно со мной!
Ему признаюсь я! Смелей! Он всё узнает!

(*Продолжает писать.*)

Зачем, зачем вы посетили нас?
В глуши забытого селенья
Я б никогда не знала вас,
Не знала б горького мученья.
Души неопытной волненья
Смирив, со временем (*как знать?*)
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы верная супруга
И добродетельная мать...

I am beset by visions!
Everywhere, everywhere I look,
I see my fatal tempter!
Wherever I look, I see him!

(*She goes quickly to the writing table and begins
to write, then immediately tears it up.*)

No, that's all wrong! I'll begin again!
Ah, what's the matter with me! I'm all on fire!
I don't know how to begin...

(*She pauses in thought, then begins to write
again.*)

"I write to you — and then?
What more is there to say?
Now I know, it is within your power
to punish me with disdain!
But if you nourish one grain of pity
for my unhappy lot,
you will not abandon me.
At first I wished to remain silent;
then, believe me, you would never
have known my shame —
never!"

(*She puts the letter aside.*)

O yes, I swore to lock within my breast
this avowal of a mad and ardent passion.
Alas, I have not the strength to subdue my heart!
Come what may, I am prepared!
I will confess all! Courage! He shall know all!

(*She continues writing.*)

"Why, oh why did you visit us?
Buried in this remote countryside,
I should never have known you,
nor should I have known this torment.
The turbulence of a youthful heart,
calmed by time — who knows? —
most likely I would have found another,
have proved a faithful wife
and virtuous mother..."

Картина седьмая

Scene Seven

22. Заключительная сцена.

22. Final Scene.

Комната в доме князя Гренина. Татьяна читает письмо Онегина.

The drawing room of Prince Gremin's house. Tatyana is reading Onegin's letter.

ТАТЬЯНА (*плача*):
О! Как мне тяжело! Опять Онегин
Стал на пути моём, как призрак беспощадный!

TATYANA (*weeping*):
O, how distressed I am!
Once more Onegin has crossed my path
like a relentless apparition!
His burning glance has troubled my heart
and so vividly reawakened my dormant passion
that I feel like a young girl again,
as if nothing had ever parted us!

Он взором огненным мне душу возмутил,
Он страсть заглохшую так живо воскресил,
Как будто снова девочкой я стала,
Как будто с ним меня ничто не разлучало!

Onegin appears at the door. Seeing Tatyana, he rushes to her and falls to his knees at her feet.

Входит Онегин. Увидев Татьяну, он быстро подходит к ней и падает перед ней на колени.

Довольно, встаньте, я должна
Вам объяснить откровенно.
Онегин, помните ль тот час,
Когда в саду, в аллее нас,
Судьба свела и так смиренно
Урок ваш выслушала я?

Enough, get up. I must
talk to you frankly.
Onegin, do you remember that time
when, in the avenue of our garden,
fate brought us together and I listened
so meekly to your lecture?

ОНЕГИН:
О, сжальтесь, сжальтесь надо мною!
Я так ошибся, я так наказан!

ONEGIN:
O spare me, have pity on me!
I was so mistaken; I have been cruelly punished!

ТАТЬЯНА:
Онегин! Я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была!
И я любила вас, но что же —
Что в вашем сердце я нашла,
Какой ответ? Одну суровость!
Не правда ль, вам была не новость
Смиренной девочки любовь?

TATYANA:
Onegin, I was younger then,
and a better person, I think!
And I loved you — but what, then,
what response did I find
in your heart? Only severity!
Am I not right in thinking
that a simple young girl's love was no novelty to
you?
And now...

И нынче...

Боже, стынет кровь,
Как только вспомню взгляд холодный
И эту проповедь!
Но вас я не виню...
В тот страшный час

Dear God, my blood runs cold
whenever I recall that cold look,
that sermon!
But I do not blame you...
In that dreadful moment

Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной.

you behaved honourably,
you acted correctly towards me.

Тогда, не правда ли, в пустыне,
Вдали от суетной молвы,
Я вам не нравилась; что ж ныне
Меня преследуете вы?
Зачем у вас я на примете?
Не потому ль, что в высшем свете
Теперь являться я должна,
Что я богата и знатна,
Что муж в сраженьях изувечен,
Что нас за то ласкает двор?
Не потому ль, что мой позор
Теперь бы всеми быть замечен
И мог бы в обществе принести
Вам соблазнительную честь?

At that time, I suppose, in the back of beyond,
far from the frivolity of social gossip,
you didn't find me attractive. Why, then,
do you pursue me now?
Why am I the object of such attentions?
Could it be because I now
frequent the highest circles,
because I am rich and of the nobility,
because my husband, wounded in battle,
enjoys, on that account, the favour of the court?
Could it not be that my disgrace
would now be generally remarked
and would confer upon you
the reputation of a seducer?

ОНЕГИН:
Ах! О, Боже!
Ужель, ужель в мольбе моей смиренной
Увидит ваш холодный взор
Затеи хитрости презренной?
Меня терзает ваш укор!

ONEGIN:
Oh! My God!
Is it possible that in my humble pleading
your cold look sees nothing
but the wiles of despicable cunning?
Your reproach torments me!

Когда б вы знали, как ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать и разумом всечасно
Смирять волненье в крови,
Желать обнять у вас колени
И, зарыдав у ваших ног,
Излить мольбы, признанья, пени,
Всё, всё, что выразить бы мог!

If you only knew how terrible
it is to suffer love's torments,
to endure and constantly to check
the fever in the blood by reason,
to long to clasp your knees
and, weeping at your feet,
pour out prayers, avowals, reproaches —
all, all that words can express!

ТАТЬЯНА:
Я плачу!

TATYANA:
I am weeping!

ОНЕГИН:
Плачьте, эти слёзы
Дороже всех сокровищ мира!

ONEGIN:
Weep on — those tears are dearer
than all the treasures in the world!

ТАТЬЯНА:
Ах! Счастье было так возможно,
Так близко! Так близко!

TATYANA:
Ah! Happiness was within our reach,
so close! So close!

ТАТЬЯНА, ОНЕГИН:
Счастье было так возможно,
Так близко! Так близко!

TATYANA, ONEGIN:
Happiness was within our reach,
so close! So close!